
Уильям Керринттон
Потеряны навсегда

Уильям Керрингтон

Потеряны навсегда

«Автор»
2026

Керрингтон У.

Потеряны навсегда / У. Керрингтон — «Автор», 2026

Эта история не о любви и не о дружбе, сложно дать ей какое-то определение, когда один год воспоминаний ощущается либо как пятиминутное мгновение, либо как десятилетия прожитой жизни. Что из этого хуже? Не знаю. Лучше бы эта книга никогда не была написана, в ней похоронен целый айсберг боли, сожалений и мнимой надежды. Но айсберги имеют свойство дрейфовать, и если эту ледяную воду не выплеснуть на бумагу, она однажды просто раздавит меня своим весом.

© Керрингтон У., 2026
© Автор, 2026

Уильям Керрингтон
Потеряны навсегда

Уильям Керрингтон
Потеряны навсегда
Аннотация

Эта история не о любви и не о дружбе, сложно дать ей какое-то определение, когда один год воспоминаний ощущается как пятиминутное мгновение либо как десятилетия прожитой жизни. Что из этого хуже? Не знаю. Лучше бы эта книга никогда не была написана, в ней похоронен целый айсберг боли, сожалений и мнимой надежды. Но айсберги имеют свойство дрейфовать, и если эту ледяную воду не выплеснуть на бумагу, она однажды просто раздавит меня своим весом.

Глава 1

Воспоминания

Сильвер-Клифе — это город, который боги, похоже, создали в минуту абсолютного покоя, зажав его между ледяным величием гор и бесконечной яростью Атлантики. Здесь, на западном краю света, время не течет, оно разбивается о скалы, превращаясь в пену и туман. Небом правили чайки. Громкие, резкие, они кружили над водой, их белые крылья вспыхивали серебром в первых лучах солнца. В их криках звучала тоска по далеким странам, и радость возвращения. Они свободны. Берег усыпан темным, мокрым песком, который океан принес из самых глубоких своих бездн . Ветер здесь был постоянным жителем; он скручивал волны в тугие спирали, заставляя их обрушиваться на берег с силой, которая вибрировала в груди. Песок смешан с обломками черных скал, отшлифованными тысячелетиями, и выброшенными на берег корягами, похожими на скелеты доисторических чудовищ.

На самой вершине Серебряного Утеса стоял пентхаус — монолитное сооружение из темного, почти антрацитового бетона и стекла. Снаружи дом казался частью скалы. Строгие, геометрически выверенные линии фасада контрастировали с хаотичным величием древних гор, покрытых вечным туманом. Но в этой неприступности была своя красота, которая не нуждалась в одобрении. Уникальность этого места заключалась в водопадах. Они были интегрированы в саму структуру дома. С двух сторон от центрального входа, словно верные стражи, низвергались потоки кристально чистой горной воды. Там жил молодой писатель по имени Клэйтон Фэллон. Он переехал в Сильвер-Клиф три года назад. До этого он жил в Блейктауне — маленьком, застрявшем в прошлом городке. В Блейктауне Клэйтон был просто «молодым человеком с мечтами», чьи рукописи покрывались пылью в ящике стола. Он знал, что достоин большего, но город, словно вязкое болото, засасывал его. Ему казалось, что он стоит в очереди, которая никогда не двигается. Но здесь его жизнь совершила квантовый скачок. Одна из его книг, написанная в самый тяжёлый период жизни стала бестселлером. Именно в нее он верил и уже занимался редакцией второй части. У него проходили встречи с читателями, которые смотрели на него с обожанием, десятки новых договоров, контракты на переводы... Это было все, о чем он мечтал в Блейктауне. У него появились хорошие знакомые, другие писатели, издатели, люди, которые понимали его масштаб.

Что-то новое написать не получалось, иногда он думал, что выпущенные книги это его предел. Во всем, что он начинал не было души и той отдачи, когда он работал над другими

произведениями. Бывало он дописывал целую книгу до конца, а потом просто удалял все ее содержимое, потому что не был доволен. У него не было вдохновения и он не знал о чем хочет рассказать себе и этому миру. Не так давно вышел сборник его стихов, который он собирал на протяжении нескольких лет и наконец решился. Прославился он не так сильно, но теперь у его работ хотя бы было свое законное место.

Но главное, у него была Сара, девушка, которая изменила его жизнь и шла с ним в одну ногу, не отставая и не ускоряясь. У них был гармоничный темп жизни, в котором они находили свое счастье. Сара Палмер была потрясающей.

Она была сгустком чистой энергии, радости и света. Ее большие карие глаза светились на солнце, а каштановые волнистые волосы доходили до спины. Она часто строила рожицы и смешила его, эмоционально рассказывая целую кучу историй. Сара обожала путешествия, постоянно была полна планов и идей, словно в ней горел какой-то вечный двигатель. В ней кипела жизнь и постоянное движение, Клэйтон не всегда поспевал за ее темпом и часто оставался писать в своем пентхаусе, пока она разъезжала по разным странам. Многие вещи они делали вместе: бегали по утрам, встречая рассвет, ходили в зал, ездили на концерты и посещали музеи и выставки. Сара была из тех женщин, которые не переспрашивают. Когда он однажды, в полубреду после бессонной ночи над рукописью, упомянул, что хотел бы коснуться истоков тишины где-нибудь в глубине Индии, она просто кивнула. Через две недели на его столе лежал конверт с билетами в Пуну. Она обожала делать сюрпризы, которые меняли траекторию жизни. 1Випассана. Он согласился, ему нужна была эта поездка, она изменила его и помогла справится со многими трудностями. Раньше он практиковал медитацию, первое время было сложно, но с каждым днем навязчивые мысли уходили и в голове оставалась приятная тишина. Потом в его жизни снова случился переломный момент и он просто не мог заставить себя сесть в медитацию и успокоить беспокойный ум, каждый раз возникали новые вопросы и он безумно хотел знать на них ответы, как отчаянный детектив в постоянном анализе своей жизни.

Когда они вышли из аэропорта, их встретил шумный и красочный город, по которому лавировали машины, воздух был наполнен маслами и в нос ударял запах специй. Большое количество людей подходили к ним, Сара улыбалась и разговаривала с ними, хоть они и не понимали друг друга. Она купила фруктов детям в лавочке, что была неподалеку. Ее совсем не хотели отпускать, но они должны были идти. Они ехали до храма на старом рикше, который дребезжал так, будто собирался рассыпаться на молекулы прямо посреди шоссе. Вокруг был рев моторов, священные коровы, невозмутимо жующие траву у обочин. Сара сидела рядом, ее волосы растрепал горячий ветер, словно эта страна ее истинная стихия. Она вписывалась везде, где кипела жизнь. Сара смеялась, перекрикивая шум, а он вцепился в поручень, чувствуя, как внутри нарастает паника.

- Это здесь, Клэйтон! — крикнула она, когда рикша затормозил перед массивными коваными воротами.

Они вышли и перед ними открылся путь к храму. Храм Випассаны не был похож на готические соборы Европы. Это была Пагода. Огромный, уходящий в белесое от зноя небо золотой конус, напоминающий перевернутый колокол. К главной пагоде вела широкая лестница из красного камня. Ступени были низкими, но бесконечными. Они были отполированы тысячами босых ног до зеркального блеска. Раскаленный камень обжигал ступни, заставляя двигаться быстрее, словно сама земля подгоняла тебя к очищению. Стены храма были покрыты резьбой, тысячи крошечных фигурок, сплетающихся в узоры. Но чем выше поднимался взгляд, тем меньше становилось деталей. На самой вершине только чистое золото, ослепительно сияющее на солнце. Вокруг главной пагоды располагались сотни маленьких белых домиков — келий. Они выглядели как пчелиные соты. В каждой из них только циновка и тишина. У входа висели тяжелые бронзовые колокола. Странно, но здесь, внутри территории, шум

1 **Випассана —** буддийская практика медитации, основанная на самонаблюдении, молчании и глубоком созерцании.

Индии внезапно отсекся, как будто они прошли сквозь невидимый звуковой барьер. Слышны были только крики диких павлинов в зарослях неподалеку и сухой шелест пальмовых листьев. Сара остановилась у развилки. Направо был женский жилой блок, а налево мужской.

- Десять дней, Клэйтон, — прошептала она. Это были последние слова, которые он услышал от неё перед долгим погружением.

Она развернулась и пошла по дорожке, усыпанной желтыми цветами франжипани. Ее фигура в легком льняном платье быстро растворилась в мареве зноя. А он остался стоять перед золотой громадой храма. Там, под палящим солнцем он впервые столкнулся с тишиной, которая не была наказанием. Когда он зашел внутрь, то ознакомился с кодексом дисциплины, а потом заполнял бумаги и сдал телефон на хранение.

Ему выдали простую комнату, где он расположился и просидел там до вечера. Три на три метра: беленые стены, которые казались серыми в сумерках. Вместо кровати низкий деревянный помост, на котором лежала тонкая, пахнущая сухой травой циновка. Он бросил на нее свой спальный мешок, который изначально не хотел тащить с собой, но Сара настояла. Здесь не было стола. Хоть он и привык к жизни в достатке, но его это не пугало, до всего этого он жил в разных условиях и иногда приходилось спать на полу. Это немного напоминало его прошлую жизнь, будто он приехал в очередную квартиру, в которой долго не задержится. Но он приехал работать над собой, а не выживать. Тусклая лампа отражала его тень на стене, а из маленького окошка с решеткой доносился вечерний воздух.

Он принял обет молчания, нельзя было общаться с другими. Для него это было не так уж сложно, большую часть жизни он прожил в полном одиночестве, у него не было друзей и знакомых, с семьей из себя приходилось выдавливать слова. Ему сложно было раскрыться перед кем-то, он знал, что никто его не понимает и так привык молчать. Был один человек, который увидел его настоящего или ему хотелось в это верить верить. А после встречи с Сарой он тем более расцвел, с ней можно было говорить о чем угодно, она редко

замолкла и ее совсем не смущало, если Клэйтон иногда погружался в свои мысли во время разговора и не знал, что сказать. Сам по себе он был такой же эмоциональный и импульсивный, но в отличии от нее всегда пытался подавить это в себе, потому что для города, в котором он жил такие как он были слишком странными и броскими. Первое время он был совсем зажатым и боялся как-то реагировать или высказать свои мысли, но эта девушка заставила его сердце оттаять и быть собой. Со временем он научился общаться с читателями и многими влиятельными людьми. С ними было проще, они говорили по делу, ценили его ум и творчество. Пусть они не являлись его друзьями, но после таких встреч оставался приятный осадок, чем когда он пытался с кем-то общаться, рассказывая о своих увлечениях, которые никого не интересовали. Ему было достаточно хотя бы одного человека, который бы понимал его, но когда пускаешь кого-то в душу — ты ещё больше уязвим и кто-то может воспользоваться этим, чтобы сделать больно. Тот кому ты доверяешь делает гораздо больнее, чем тот кто открыто тебя ненавидит.

Подъем начинался в четыре часа утра. По началу было трудновато, но раньше он часто просыпался в такое время и просто лежал, глядя в потолок, пока не уснет снова. Иногда он выходил на пробежку, пока не стало совсем жарко, ранние подъемы не так уж и плохи, но он бы предпочел поспать подольше. После чего начиналась медитация. Он сидел в позе лотоса с прямой

спиной и следил за своим дыханием. Первые несколько минут в его голове крутилось множество мыслей, он не стал их прогонять, следил за ними, как за потоком, позволяя быть и постепенно исчезать. С закрытыми глазами он обращал вниманием на части своего тела, чтобы заземлится. Пока было трудно быть в новом месте и пытаться сосредоточиться на тишине, но со

временем он начал замечать, что ум перестал душить его мыслями и наступила тишина. После медитации он шел завтракать и отдыхать. Ничем особенным он не занимался, часто просто сидел и наблюдал за природой Индии, этого было достаточно. Целый день они медитировали, а ближе к вечеру начинались лекции.

Клэйтон стал понимать, что частицы вселенной рождаются и умирают миллиарды раз в секунду. Что вся его боль, которую он пытался игнорировать и не мог прожить полностью — лишь поток меняющихся вибраций. Это непостоянство показывает, то что иногда мы пытаемся удержать воду в руках, что все равно вытечет сквозь пальцы. Многие страдания зависят от наших реакций на это. У него была плохая привычка, каждый раз он страдал углубляясь в эту колею, когда должен был не вовлекаться в ситуацию, а быть наблюдателем. Но иногда это очень сложно. Привязанность. Он считал, что это самое ужасное, что с ним случилось, ведь он обещал, что никогда не почувствует этого и ни к кому не проявит. Привязанность к человеку — как попытка привязать себя канатом к летящему метеориту. Ты неизбежно разобьешься. С Сарой все было иначе, он не чувствовал, что она в любой момент выбьет почву из под его ног, но иногда все еще остерегался того, что что-то пойдет не так. Необходимо жить в моменте здесь и сейчас, а Клэйтон далеко застрял в своем прошлом и изо всех сил пытался построить будущее. Иногда у него получалось жить в моменте, но чаще всего именно это было невыносимым. Он здесь, он сейчас чувствует и варится в своих мыслях. Оглядывается в прошлое и хочет все вернуть, но там все так тесно и ненадежно, что он стремится в будущее, которое ещё не сформировалось в нынешнюю реальность. Проблема в том, что все существует одновременно и точка в будущем, когда мы до нее дойдем, станет этим здесь и сейчас, а радоваться этому или нет зависит только от нас. Это такое колесо избегания, прошлое ты уже прожил и сюжет тебе известен, а будущее еще не наступило, значит, там может быть, что угодно. Но тогда, что нам остается сейчас?

На восьмой день ему разрешили войти в Пагоду. Он шел по круговому коридору, пока не нашел дверь со своим номером. Внутри было темно и тесно, пространство, лишенное архитектурных изысков, голый бетон и циновка.

Он сел. В этой темноте мир перестал существовать. Не было Индии, не было даже Клэйтона Фэллона. Остался только поток ощущений. И тогда они пришли. Санкары. Он почувствовал, как между лопатками разгорается пожар. Это была вся та невысказанная ярость, все то унижение, которое он копил месяцами. Казалось, кто-то медленно ведет раскаленным лезвием по его позвоночнику. Его ум искал облегчения, он кричал ему о том чтобы он сделал то, о чем пожалеет. Ему хотелось этого на протяжении многих месяцев, но самоуважение к себе не давало переступить черту. Но он сидел неподвижно, наблюдал, как этот огонь пожирает воспоминания. А потом он почувствовал мокрые капли на щеках, из его глаз текли слезы, он не мог это остановить и понимал, что идет очищение. Ему нужно прожить это, иначе он не сможет двигаться дальше. Все его попытки изменить жизнь все равно тянули назад и шрамы не могли затянуться до конца. Он чувствовал, что ходит с открытой раной, в которую

когда-то жестоко плюнули. Когда он закончил, то вышел абсолютно пустой, он ничего не чувствовал, его взгляд был опущен в пол.

Обет молчания закончится на девятый день. Когда прозвенел гонг, разрешающий говорить, мир взорвался. Звуки обрушились на него, как лавина. Люди вокруг превратились в птиц, шумных, суетливых, жаждущих выговориться. Он подошел к Саре. Она стояла у забора, отделяющего мужскую зону от женской. Он хотел сказать ей что-то важное, что-то об атомах и санкарах, о том, как горела его спина в Пагоде... Но когда он открыл рот, то не узнал свой голос. Он был низким, надтреснутым, чужим. Это был голос незнакомца, который поселился в его теле за эту неделю. Сара понимающе улыбалась ему, она что-то рассказывала, но он не слушал, потом они разошлись по своим корпусам.

Клэйтон достал телефон из камеры хранения, тяжелый и холодный. Он нажал на кнопку включения, и экран ослепил его. Сообщения, новости, почта... Все это казалось в тот момент таким бессмысленным, он слишком

глубоко ушел в себя. На десятый день они постепенно возвращались в мир и заполняли образовавшуюся пустоту после очищения. В благодарность он оставил большую сумму пожертвования, как и многие другие студенты по своему желанию. Он вернулся в свою спальню, подмел бетонный пол и сложил спальный мешок. С Сарой они встретились у ворот. Вокруг суетились таксисты, рикши сигналили, Индия снова наваливалась на них своим шумом и жарой.

- Куда теперь? — спросила она, поправляя рюкзак.

Он посмотрел на солнце, которое отражалось в золотом куполе пагоды. - В аэропорт, — сказал он.

Это была удивительная и незабываемая поездка. А сейчас его окружало огромное, двухуровневое пространство гостиной, которое было почти полностью лишено глухих стен. Вместо них панорамное остекление от пола до потолка, которое стирало границу между интерьером и дикой природой. Клэйтон сидел на массивном кожаном диване в центре комнаты и наблюдал, как туман лениво переползает через горные пики, как водопад обрушивается в бездну всего в нескольких метрах от него. Текстура грубого камня на стенах перекликалась с теплом темного дерева на полу и потолке. В углу, на подиуме из полированного камня, стоял его рабочий стол. Простой, массивный, без единого ящика. На нем только ноутбук и стопка книг. Это было место, где Клэйтон писал.

Придавшись воспоминаниям, он поднялся с кресла и вышел на террасу с чашкой кофе. Воздух был настолько чистым, что казалось, его можно пить. Ветер приносил запахи соли, йода, мокрого камня и хвои с горных склонов. Домой как раз возвращалась Сара. Она поцеловала его в щеку и перед тем как войти в дом напомнила ему проверить почту, по его просьбе. Ему должно было прийти одобрения на заключение нового договора с одним издательством. Постояв еще пять мину на воздухе, Клейтон вошел внутрь и открыл ноутбук. Почему-то письмо пришло на забытую им почту, видимо, по ошибке не на ту прислали. Он открыл сообщения и его сердце замерло. Его взгляд задержался не на письме от издательства, а на сообщении от человека, которого он не видел уже давно. Он так и не стал отвечать, но воспоминания хлынули на него рекой.

Глава 2

Запах вишневого дыма

После этого сообщения Клэйтон два дня ни с кем не разговаривал и отменил все встречи. Его будто накрыло ледяной водой и он вернулся в ту точку, где пытался все забыть и продолжить жить дальше. Слова, песни, цитаты, все стало врезаться в его разум, как летящая стрела с неба. Она сломала асфальт, который с трудом высох после многих дней ливней. С утра его несколько раз чуть не вырвало, он отказался от завтрака, много времени провел на терасе, пытаясь прийти в себя. В его голове было слишком много мыслей и одновременно пустота, они сдавливали череп.

- Что с тобой происходит, Клэйтон? — спросила Сара, протягивая ему кружку кофе.

Клэйтон с дрожащими руками взял ее, его взгляд был устремлен куда-то вперед. Он не знал, что сказать и как рассказать ей обо всем, что произошло. Столько времени он сражался с этим в одиночку, никто не понимал его боли, эта история была похоронена под его костями и убитой частью, которая искренне верила во что-то хорошее. Он ни с кем не мог поговорить об этом и не хотел, если и пытался, то слышал только дежурные фразы, которые совсем не помогали ему.

- Я ждал, что небеса разверзнутся и подтвердят мою правоту. Я ждал знамения. Но знамением была тишина, — выдавил из себя он.

- Что это значит? Может тебе стоит пойти к врачу?

Клэйтон выронил кружку и она с грохотом разбилась. Белые осколки рассыпались по полу. Он смотрел на них, пока Сара не принесла веник и не убрала их. Затем она подошла к нему и обняла сзади.

- Ты все можешь рассказать мне.

- Знаю, но все построено на гнилом фундаменте. Недавно я вспомнил одного человека из своего прошлого, нас многое связывало, но потом все оборвалось на очень тяжелой ноте. Я жил с этой болью каждый день, думал руки на себя наложу от отчаяния, пытался заставить себя двигаться дальше. Именно, когда я поверил, что смогу встать с колен и добиться своих целей, к которым так долго и трепетно шел, как мои крылья подрезали и я снова упал на дно. До сих пор остался осадок на душе. Многие считают, что время лечит, но это не так — ты просто учишься жить с этой болью каждый день. Даже если она затянется шрамами, то будет вечным напоминанием. Я справлялся самостоятельно, без помощи специалистов и поддержки. Не знаю стало ли мне легче, большую часть боли мы игнорируем, потому то психика не может выдержат весь объем суровой реальности. Мы погружаемся в иллюзию, пытаемся вытянуть теплые моменты, затмив ими темные. Но факты не оспоришь, когда человек поступает плохо — ты просто не имеешь права его оправдывать, это будет самообманом и неуважением к себе и той боли, которой тебя напоили.

- Кто-то поступил с тобой очень плохо? Я знаю, что у тебя была трудная жизнь, но ты никогда не говоришь мне об этом.

- Я хочу хоть для кого-то быть нормальным, — снова он произнес это. Когда-то это было адресовано другому человеку, хотя на его фоне Клэйтон чувствовал себя более чем нормальным, втянутым в ненормальную ситуацию.

- Клэй, все в этом мире безумны по своему, — напомнила ему Сара.

Клэйтон кивнул и начал рассказывать ей о том, как все было несколько лет назад. Много чего тогда происходило в жизни и как-то раз он решил выбраться из дома и сходить в океанариум. Ему попалась реклама о тематическом дне, в честь китов. Конечно, их там не будет, однако, в отдельной комнате посетителей ждало нечто удивительное. К концу следующего дня он приоделся и доехал до нужного места. Океанариум выглядит как футуристическое здание из темного стекла и бетона, по форме напоминающее огромную набегающую волну. На фоне ночного города оно выделялось масштабной неоновой подсветкой, по стенам струились лазерные волны, имитирующие морское дно. Перед входом просторная площадь с сухими фонтанами. В эту тематическую ночь там были установлены массивные световые инсталляции: гигантские фосфоресцирующие хвосты китов, которые словно уходят под землю, и арки в виде коралловых рифов. Людей запускали дозировано, чтобы внутри не было толкучки. На входе приглушали обычный свет. Каждому посетителю выдавали стилизованный буклет-путеводитель, а из скрытых динамиков уже на улице доносился едва уловимый, низкий гул океана — шлейф песен китов.

Он шагнул в темноту, и над его головой сомкнулись тонны воды. Вокруг был абсолютный полумрак, единственным источником света служили огромные панорамные аквариумы от пола до потолка. Вода в них подсвечена пронзительным ультрамарином. Мимо него, прямо за стеклом, проносились ровные, сверкающие серебром косяки рыб; они двигались синхронно, словно единый живой организм. Дальше он прошел мимо более темных, глубоких резервуаров, где среди коряг и искусственных затонувших кораблей, обросших мхом, лениво скользят рифовые акулы и скаты. Их тени скользили по лицу Клэйтона. Там он увидел ее, ту, что отпечаталась в его жизни самым ядовитым цветком. Он стоял, вокруг синева, и вдруг огромное стекло над головой накрыло тень. Это медленно плыла китовая акула, и в этом мягком, рас-

сеянном ультрамариновом сиянии, которое падает сверху сквозь воду, он заметил ее. Из-за полумрака он видел только очертания: невысокий хрупкий силуэт, облако пушистых темных волос чуть выше плеч, озаренное синим контуром, и то, как она, задрав голову, заворожено смотрит вверх. Свет от проплывающей акулы скользил по ее лицу, выхватывая только блики в огромных, по-детски распахнутых глазах. Это выглядело так, будто она сама часть этого подводного мира, и мимо нее просто невозможно пройти. Пока она смотрела на китовую акулу, он смотрел на нее, самое прекрасное создание стояло перед ним. Он не знал как заговорить с ней, это вышло случайно.

- Как красиво, — сказала девушка, не замечая его. - И вправду, — прошептал Клэйтон.

Тогда она обернулась и взглянула ему прямо в глаза. Он засмущался, по привычке касаясь рукой затылка. Она отвела взгляд и вновь между ними повисло молчание. С ней было чертовски приятно молчать, но он не хотел оставаться в ее жизни незнакомцем.

- Я Клэй..., — запнулся он. - Клэйтон.

- Клэй? — повторила она. - А я Дейнерис.

- Очень красивое имя, — он еще не знал, что это имя будет его самым любимым. - Часто сюда приходите?

- Спасибо, — поблагодарила она. - Время от времени. Я так люблю подводный мир, особенно китов. Вы слышали их пение? Я добавила в свой плейлист.

- Да, довольно красивое.

- А мне кажется оно даже пугающее, но мне нравится. Киты ведь символ чего-то огромного, глубокого и одинокого, они общаются на частотах, которые никто больше не слышит,— улыбнулась она. Хотел бы он всегда видеть перед собой эту улыбку и бесконечно слушать ее голос.

Дальше они прошли в круглую комнату, где в круглых стеклянных колбах, в полной темноте, медленно плывут полупрозрачные неоновые медузы. Они меняют цвет от нежно-розового до ядовито-фиолетового. Стеклянные колбы единственное, что светилось в абсолютной темноте зала. Медузы пульсировали плавно, как живые сердца. Клэйтон заметил, как фиолетовый неон очерчивал контур ее черных волос и вспыхивал искорками в ее огромных карих глазах, когда она подходила ближе к стеклу. В этой комнате акустика менялась. Звуки шагов других людей почти не долетали, слышен был только тихий, убаюкивающий гул фильтров воды внутри колб. В такой темноте люди подсознательно начинают говорить тише. Их голоса переходят на полушепот, и каждый вздох кажется оглушительно близким. Пространство между колбами узкое, и чтобы разглядеть медуз, им приходилось встать совсем рядом. Клэйтон уловил едва заметный шлейф ее парфюма, который выбивается из общей прохлады океанариума. Он не любил духи, они вызвали у него аллергию, но этот запах он не мог забыть, хотелось наклониться к ее шее и просто раствориться в этом запахе. До сих пор он иногда чувствовал его по памяти.

- Они кажутся такими хрупкими, будто сделаны из стекла, но внутри них яд, — сказала она тогда.

Она была именно такой: хрупкое существо, внутри которого яд. Но тогда Клэйтон смотрел на ее силуэт в розовом свечении и думал, что в этой темноте она сама выглядит как единственное живое существо, способное отогреть его ледяной мир.

- Сегодня тематический день, там дальше есть комната, хотите посмотреть со мной? — спросил он с надеждой.

- Хочу. Только давайте на ты, мне так комфортнее, — попросила она. Под тему китов действительно была отведена отдельная огромная

купольная комната. Там не было живых рыб, только сплошной экран. На потолок и стены проецировали огромных цифровых синих китов в натуральную величину, а из колонок эхом

доносились их реальные подводные песни. Дейнерис потеряла дар речи. Они сели на пол, смотря на то, как

над ними проплывает этот гигант. Он никогда не забудет ту искру, что вспыхнула между ними, они были не знакомы, но он чувствовал себя так хорошо. Ему трудно было заинтересоваться в людях, поэтому он постоянно был один. Но с ней чувство одиночества испарилось и сердце забилось в предвкушении от этой встречи. Хотелось бы ему, чтобы этот момент длился вечно. Чтобы они всегда сидели и смотрели на морских жителей и она никогда не исчезала из его жизни. Столько раз он был готов все отдать, лишь бы только этот момент прокручивали снова и снова в его жизненном сценарии. Они никогда не будут счастливы так, как тогда. Первая встреча это всегда нечто особенное, ты не знаешь человека, для тебя он закрытая книга, которую ты медленно читаешь с интересом. Никогда не дочитывайте книги, если у них плохой финал. Такие лучше отставить далеко на полку, они самые глубокие, самые цепляющие и искренние; такую книгу никогда не забудешь и не решишься открывать ее вновь, потому что финал тебе известен.

Когда время подошло к концу и океанариум закрывался, люди стали неспешно покидать задание, собираясь домой. Клэйтон и Дейнерис поднялись с

пола, переглянулись и пошли к выходу. На свету он увидел, что на ней были серые джинсы и черная кожанка, а на шее красовался чокер. Она выглядела безумно круто и это цепляло. Клэйтон всегда считал, что с такими девушками ему ничего не светит, они на него даже не посмотрят. Но ведь она заговорила с ним! Наверное, все это глупо, сейчас она уйдет и растворится в толпе ночного города и он больше не найдет ее. Если сейчас будет медлить, то потом уже будет поздно. Что он теряет, если не попробует? Они вышли на улицу, Дейнерис закурила, от ее сигарет шел запах вишни. Клэйтон как-то пытался начать в подростковом возрасте, но так и не продолжил, поэтому в привычку это у него не вышло. Он наблюдал как в ее руках тлеет сигарета, она это заметила.

- Дать закурить? — спросила она.

- Нет-нет, — судорожно замахал руками он. - Я не курю, просто... хотел, ну, то есть, — он сделал глубокий вдох, умирая про себя от стыда. - Мы хорошо провели время, не хотели бы познакомиться?

Несколько минут она молчала, после чего потушила сигарету и поправила ворот куртки.

- Почему бы и нет? — кивнула она.

- Можно ваш номер? — обрел некую уверенность в себе парень.

Они обменялись номерами и разошлись в разные стороны. Он был в предвкушении, прокручивая в голове, что бы ей написать и какую тему выбрать для разговора. Но не сегодня, уже поздно они оба вымотались. Хотя так хотелось хотя бы пожелать ей спокойной ночи и поблагодарить за сегодняшний день.

Он вернулся домой с приятной усталостью, разулся в коридоре и пошел в спальню. Первым делом он достал телефон, смотря на новый контакт. Нерешительность брала вверх и пока он думал, то успел выпить кружку горячего чая и переваривать множество мыслей в своей голове. Перед сном Клэй взял в руки телефон и решительно отправил сообщение с пожеланием спокойной ночи. Прошло несколько минут, пока звук уведомление не сообщил о новом сообщении. Дейнерис пожелала ему в ответ доброй ночи и он с улыбкой заснул.

Глава 3

Мой космический спутник

Сквозь окна пробивался утренний солнечный день, который коснулся век спящего блондина. Он перевернулся на другой бок и накрылся одеялом. Пролежав так еще пол часа, совсем

проснулся и взял телефон с тумбочки. Сразу захотелось проверить телефон на наличие новых сообщений, его сердце наполнилось теплом от одного пожелания доброго утра. Он еще не знал, что потом каждое его пробуждение будет начинаться с ее писем, и что только это будет заставлять его желать наступление нового дня.

Сначала было сложно найти общие темы, но он все время пытался чем-нибудь ее заинтересовать, иногда даже нарочно сморозить какую-нибудь шутку. Один раз они проболтали до самого вечера и потом каждый день у них был определенный период времени, который они проводили вместе. Но он больше не мог быть на расстоянии, ему снова захотелось встретиться. Как-то раз она упомянула японский ресторан и он решил позвать ее на свидание.

Клэйтон забронировал столик. Ресторан, спрятанный за тяжелыми дубовыми дверями в тихом переулке, внутри был оазисом уюта. Он пришел раньше нее в своем самом лучшем костюме. Черные брюки облегали длинные ноги, серебряный пояс скрывался под краями желтого жилета, на фоне белой рубашки, поверх которого был надеть пиджак с золотыми пуговицами, в тон брюкам. Волосы были уложены назад, он поправлял галстук и его начищенные ботинки отдавались слабым стуком по полу.

В воздухе плыл едва уловимый, дразнящий аромат: сладость дорогих шоколадных трюфелей, свежесть срезанных роз и глубокий, теплый запах дорогого виски. Клэйтон сидел на мягком, обитом кожей диване, его взгляд скользил по белым панелям с изящным рисунком цветущей сакуры, которые мягко светились в полумраке. Теплый свет подвесных бумажных фонариков делал комнату похожей на шкатулку. На его столе уже стояли бокалы, тарелка с идеальными, похожими на ювелирные изделия конфетами и две алые розы в черной вазе.

Спустя минут десять Дейнерис вошла в ресторан, она оглянулась по сторонам, пока не заметила Клэйтона. Ее наряд его удивил, она тоже была в костюме. На ней были черные широкие брюки, такого же цвета жилет и винного цвета рубашка. В руках она держала небольшую шляпку, которую сняла перед входом. Ей так шел этот цвет, но ассоциироваться с ним она стала у него позже, гораздо позже. Он терпеть не мог ассоциации, потому что потом они были повсюду и многие вещи становились привязанными к определенной персоне. Дейнерис любила синий, снаружи она такой и казалась, как океан, словно синее небо поздним вечером, умиротворение тихой гавани. Вот только внутри нее был этот красный цвет, который никто не видел, кроме него. Это была буря, нечто неописуемое, словно апокалипсис в запертой оболочке, вот почему он видел красный цвет.

- Не могу поверить, что ты пригласил меня сюда, — радостно сказала она, садясь напротив него. - Сколько раз я проходила мимо этого места, но так и не решалась войти.

- Да, тут очень атмосферно. Не особо разбираюсь японской культуре и все же всегда было интересно посетить эту страну.

- А я изучаю японский, мне безумно нравится.

В этот момент к их столику приблизился официант, так бесшумно, словно скользил по воздуху.

- Бери, что хочешь, все за мой счет, — сказал Клэйтон.

- Не хотелось бы, чтобы ты много тратился — скромно ответила она, пробегая глазами по блюдам из меню.

- Да ладно, я ведь пригласил тебя, хочу, чтобы этот день прошел хорошо, не переживай о деньгах.

Дейнерис улыбнулась, определившись с выбором, они подозвали официанта. Через некоторое время официант принес на лакированном подносе стеклянную конструкцию, больше похожую на лабораторный прибор, чем на чайник. Нижнюю колбу подогревала открытая горелка; вода в ней закипела, и под давлением бурлящий поток устремился вверх, окрашиваясь в глубокий янтарный цвет чайных листьев. Клэйтон завороженно смотрел на это буйство воды и огня. В тишине зала тихое клокотание чая казалось оглушительным.

- Ваша мраморная говядина вагю, — официант поставил перед Дейнерис тяжелую сланцевую тарелку.

Следом перед Клэйтоном опустилось деревянное плато с его заказом: ассорти Сашими «Спайси Тунец» на подушке из колотого льда. Черные тарелки, яркая сырая рыба.

- Рыба? — на ее губах заиграла едва заметная улыбка. - Серьезно, Клэй? Решил продолжить морскую тематику?

- Мне показалось это символичным, — Клэйтон попытался улыбнуться, но голос предательски дрогнул. - Мы ведь познакомились там. Я подумал...

- Что это мило? А я вот не люблю ее есть, — Дейнерис мягко перебила его. Она отрезала идеальный кусочек стейка.

На срезе мясо было ярко-розовым, сочным, почти сочащимся кровью. Она отправила его в рот, заставив Клэйтона сглотнуть.

- Знаешь, Клэй, океанариум пугающее место. Все эти люди, которые смотрят на запертых тварей за стеклом... Они думают, что контролируют ситуацию. Но если стекло треснет, они захлебнутся первыми.

Клэйтон замер. В ее голосе не было шутливого тона. Теплый золотистый свет фонариков над их головами вдруг показался ему удушливым, а нарисованные на ширмах цветы сакуры напомнили брызги чего-то темного. Дейнерис отпила глоток чая из пиалы, глядя на него поверх фарфорового края. В ее глазах не было тепла, только опасное, манящее любопытство исследователя, который препарирует редкое насекомое.

- Ладно. Так, что там про Японию? — перевел тему он. - Знаешь, какой сегодня день? — спросила она.

Клэйтон на секунду растерялся, судорожно вспоминая календарь. - Э-э... четверг? Двадцать девятое ноября?

Дейнерис тихо, почти по-доброму рассмеялась, и этот смех заставил его почувствовать себя глупым школьником.

- В Японии сегодня Ии Нику но Хи — День хорошего мяса. Двадцать девятое число одиннадцатого месяца созвучно со словом «превосходное мясо». Видишь, я выбрала правильное блюдо, — она указала кончиком палочки на свой сочный, сочащийся стейк. - У них на каждый день есть какой-то пунктик. Двадцать второго февраля у них День кошек, потому что три двойки звучат как кошачье мяуканье: «ня-ня-ня». А третьего августа — День меда.

- День меда? — Клэйтон невольно улыбнулся, завороженный тем, с какой легкостью она сыплет этими фактами. - Звучит мило.

Пока они болтали официант бесшумно поставил на стол темное деревянное плато. На нем, источая сладкий аромат ванили и запеченного теста, покоились два золотистых печенья в форме рыб-тайяки. Дейнерис обрадовалась, потому что давно хотела попробовать их. Они стали есть печенье и параллельно болтать на другие темы.

- А чем ты занимаешься по жизни? — поинтересовалась Дейнерис. Клэйтон почувствовал, как краска приливает к щекам. Он сделал глоток

остывающего чая, пытаясь собраться с духом.

- Я пишу, — тихо сказал он, и в его голосе промелькнула несмелая гордость. - Пишу роман. Что-то на стыке экзистенциальной философии и магического реализма. О человеке, который запутался в лабиринтах собственного разума и пытается найти выход через знаки, которые оставляет ему вселенная.

Дейнерис слегка наклонила голову набок, разглядывая его с мягким скепсисом.

- И как? Издатели уже выстроились в очередь?

- Пока нет, — Клэйтон помрачнел, силой воли удерживая себя от того, чтобы снова не начать теребить салфетку. - Приходится подрабатывать где придется... Литература сейчас мало

кого интересует. Все хотят чего-то попроще. А ты? Чем занимаешься ты, кроме изучения японского?

- Я дружу с цифрами, — на ее губах появилась едва заметная улыбка. - Точные науки, программирование. Пишу коды, постоянно изучаю что-то новое. А писательство мне тоже нравится, у меня есть некоторые рассказы, но доводить их до книг слишком муторно и я не уверена, что они годятся.

- А можно почитать? — глаза Клэйтона загорелись от интереса.

Она кивнула и протянула ему свой телефон. Там были все ее рукописи. Клэйтон откинулся на спинку сиденья и принялся читать, пока девушка доедала десерт. Время пролетело незаметно, к ним подошел официант и стал убирать со стола. Клэйтон поднял на нее взгляд зеленых восхищенных глаз.

- Это невероятно! Давно я не читал что-то столь интересное. У тебя действительно есть потенциал, не многие умеют так оживлять текст, я погрузился в каждую деталь и ты вполне могла бы стать писателем, — Клэйтон говорил от чистого сердца, он часто читал работы начинающих писателей и им еще много чего надо было доработать, а ее текст цеплял с первых строк.

- Правда так хорошо? — не верила она. - Большое спасибо.

Клэйтон расплатился и они вышли на улицу. Луна освещала дорогу, было прохладно. Клэйтон снял с себя пиджак и накинул на ее плечи. Она следила за звездами.

- Я люблю астрономию, — призналась она.

- Астрономия? — зацепился Клэйтон за слово, пытаясь нащупать почву для сближения. - Значит, смотришь на звезды?

- Пытаюсь, — Дейнерис разочарованно вздохнула, и этот вздох впервые сделал ее похожей на обычного человека. - Купила себе профессиональный зеркальный телескоп, но из окна моей комнаты ничего не видно. Небо кажется грязным и пустым. А ведь через пару дней обещают мощный звездопад — поток Персеиды. Сотни метеоров в час. Но со своего балкона я увижу только серую хмарь.

Она замолчала, задумчиво убрав руки за спину. В этот момент Клэйтон почувствовал, как внутри него вспыхнул азарт. Это был его шанс. Его возможность стать для нее кем-то важным, показать, что его романтика и готовность к безумным поступкам чего-то стоят.

- Я знаю одно место, — выпалил он прежде, чем успел подумать. - Далеко за городом, высоко в горах. Там небо такое черное, что кажется, будто до звезд можно дотянуться рукой.

- В горах? — переспросила она. - Как же мы туда доберемся? - Придумаю что-нибудь. Автобусы туда ходят. Или...

- Не нужно, — мягко сказала она, и эта перемена погоды в ее лице заставила его сердце забиться чаще. - У меня во дворе стоит мотоцикл. Я сама нас отвезу. Если, конечно, ты не боишься скорости, писатель.

Через три дня Клэйтон стоял у ее дома. Вечерний воздух был прохладным, а в окнах зажигался чужой, равнодушный свет. Он нервно переминался с ноги на ногу, пока из темноты гаража не раздался оглушительный, утробный рык мотора. Тяжелое эхо ударило по стенам домов. Из темноты выкатился черный, матовый мотоцикл. Дейнерис в черной кожаной куртке и шлеме, она подняла визор, и Клэйтон встретился с ее спокойным взглядом.

- Готов, писатель? — ее голос едва пробивался сквозь ровный гул двигателя. - Закидывай рюкзак на плечи и садись. И держись крепче, если не хочешь остаться на асфальте.

У Клэйтона за спиной был только один рюкзак: в нем лежал разобранный штатив ее телескопа, термос с горячим чаем и тяжелый шерстяной плед.

Когда они выехали на шоссе, ведущее к предгорьям, Клэйтон окончательно понял, во что ввязался. Скорость была бешеной. Ночной город превратился в размытые полосы неоновых огней, мелькающих по бокам. На поворотах Дейнерис закладывала байк так низко, что Клэйтону казалось, будто они сейчас коснутся коленями летящего навстречу асфальта.

От страха и адреналина у него перехватило дыхание. Ему ничего не оставалось, кроме как крепко, до боли в пальцах, обхватить Дейнерис за талию, прижимаясь к ее спине. Он чувствовал под кожей куртки ее ровное, абсолютно спокойное дыхание. Ему было жутко, но этот страх смешивался с диким, болезненным восторгом. Она контролировала эту скорость. Она контролировала его жизнь в эту самую секунду. Через время он расслабился и выглянул из-за ее плеча, ветер заставлял почувствовать себя свободным, ему захотелось вытянуть руки в стороны. Как только он решился, то чуть не потерял равновесие, поэтому снова вцепился в водителя.

На вершине холма, далеко за чертой последнего пригородного фонаря, Дейнерис заглушила мотор. Наступила оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего глушителя. Клэйтон слез с мотоцикла, его ноги слегка дрожали от напряжения. Он снял шлем. Воздух здесь был ледяным, чистым, пахнущим сухой травой и камнем. Он поднял голову и замер. Небо над ними было чернильно-черным, глубоким и пугающе огромным. Городская засветка осталась где-то далеко внизу, превратившись в блеклое зарево на горизонте.

Звезды сияли, словно рассыпанные по бархату алмазы. В этой темноте Дейнерис быстро и уверенно, почти вслепую, начала собирать телескоп. Ее пальцы легко справлялись с металлическими зажимами.

- Ну вот, — тихо сказала она, направляя объектив в черную пустоту. - Здесь нас никто не увидит. И мы никого не увидим, кроме того, что уже умерло миллионы лет назад.

Клэйтон расстелил плед прямо на холодной, каменистой земле у колес мотоцикла. Ему стало зябко. Вспышка метеора прочертила небосвод и погасла, оставив после себя лишь секундный след.

- Скоро начнется, — сказала она.

Телескоп был настроен, она поставила его перед ними и села на шерстяной плед рядом с Клэйтоном, поджав под себя ноги в тяжелых кожаных штанах. Вся ее недавняя дерзость и резкость, с которой она вела мотоцикл по ночному шоссе, куда-то испарились. Сейчас, в неверном блеске далеких звезд, она казалась Клэйтону удивительно хрупкой, почти беззащитной.

Налив в пластиковую крышку от термоса горячий чай, он протянул его ей. Дейнерис перехватила крышку обеими руками, грея пальцы, и тихо, искренне улыбнулась.

- Как думаешь, что было бы, если бы мы были спутниками одной планеты? - Я... я думаю это было бы здорово, — ответил он.

- Видишь те две точки рядом? Они связаны невидимой силой, гравитацией, и никогда не расстанутся.

Она повернулась к Клэйтону. Ее лицо было совсем близко, в темноте ее глаза казались огромными, отражающими весь этот бесконечный космос.

- Только представь. Две песчинки, затерянные в пустоте, но навечно связанные одной орбитой. Мы бы вращались в темноте, делили бы одно солнце на двоих, и ничто во вселенной — ни время, ни взрывы звезд не смогло бы разомкнуть это притяжение.

Спутниками планеты? Спутниками жизни? Была бы в этом разница, но нет, один может улететь далеко в космос, а другой разрушить эту самую планету и все это космическое притяжение окажется жалкой иллюзией. Тогда он верил ее словам и это «навсегда» и «навечно» искренне казались ему правдивыми и осуществимыми, но как же он ошибался...

- Смотри, началось, — негромкий, завороженный шепот Дейнерис заставил его вынырнуть из собственных мыслей.

Она отставила термос и подошла к телескопу. Клэйтон проследил за ее взглядом. В вышине, прямо над их головами, чернильная темнота вдруг раскололась. Она потянула его к себе, чтобы он тоже посмотрел. Тонкая, ослепительно-белая нить прочертила небосвод и без-

звучно растаяла, оставив после себя призрачный фосфорический след. А следом за ней — еще одна. И еще.

Поток Персеиды хлынул на землю во всем своем ледяном великолепии. Это не было похоже на хаотичные вспышки; метеоры летели плотно, расчерчивая космос ровными, идеальными прямыми линиями, словно кто-то невидимый наносил разметку на гигантский черный холст. Космос словно ожил, задышал светом. Временами вспыхивали крупные болиды — они сгорали так ярко и медленно, что на долю секунды каменистая вершина холма озарялась мертвенно-бледным, фантастическим сиянием. Клэйтон смотрел то вверх, то на нее. Она становилась частью этого безразличного, холодного неба.

- Говорят, нужно загадывать желание, пока горит звезда, — тихо сказал Клэйтон, чувствуя, как адреналин поездки и магия ночи окончательно лишают его воли. - Ты веришь в это?

Дейнерис не повернулась, продолжая следить за очередной огненной полосой, угасающей над горизонтом.

- Загадывать желания — это для тех, кто ждет милости от судьбы, Клэй, — мягко, но уверенно ответила она. - А метеоры — это просто обломки кометы. Они на огромной скорости врезаются в нашу атмосферу и сгорают от трения. Они прекрасны, потому что разрушаются. Смерть со скоростью шестьдесят километров в секунду. Разве это не завораживает?

Она протянула руку и накрывая его ладонь своей, он сжал ее в ответ. На фоне бушующего над ними космического пожара этот жест показался ему спасительным канатом. В ту ночь он так и не загадал желание. Ему казалось, что загадывать больше нечего, потому что его главное желание сидело рядом с ним на шерстяном пледе, держа его за руку, пока небо над ними медленно сгорало дотла.

Клэйтон смотрел на падающие звезды, но внутри него разворачивался совсем другой космос. Прикосновение ее прохладных пальцев запустило цепную реакцию. В его груди, прямо под ребрами, заворочалась густая, тяжелая энергия, в точности как туманная, темно-пурпурная мгла над линией горизонта. Этот внутренний свет тек, обволакивая сердце. Новое чувство, у него были симпатии, но настоящей любви он никогда не чувствовал. Была ли это любовь или всего лишь химическая реакция? Свет пульсировал медленными, гипнотическими волнами, заполняя каждую клетку его тела тягучим, бархатным неоном. Это было рождение новой вселенной. Ее голос, ее присутствие окутали его сознание плотным, грозовым туманом, сквозь который больше не пробивался ни один трезвый голос разума. Линия прежней, скучной жизни теперь была затоплена мистическим пурпуром. Клэйтон тонул в этих энергиях, и самым пугающим было то, что он не хотел спасаться. Это была сладкая асфиксия чувств, ментальный паралич, в котором Дейнерис стала его единственным источником кислорода.

- Нам пора, Клэй, — тихо произнесла она, и этот звук заставил его сердце испуганно екнуть.

Она собрала телескоп, стирая следы их присутствия. Когда они подошли к мотоциклу, Дейнерис протянула ему шлем. Клэйтон сел сзади, застегнул шлем, отрезая себя от звуков внешнего мира, и обхватил ее за талию. Двигатель взревел. И в ту же секунду туман его сердца взорвался. Обратный путь превратился в абсолютное, концентрированное безумие, в котором пространство и время начали деформироваться. Ночное шоссе больше не было дорогой, оно стало лазерным лучом, прошивающим абсолютную тьму. Мир вокруг них потерял очертания, превратившись в калейдоскоп неоновых вспышек. Клэйтону казалось, что сам воздух за стеклом его визора раскалывается от скорости, распадаясь на спектральные линии: изумрудные, пронзительно-синие, кроваво-красные. Это было истинное искажение восприятия. Время то растягивалось, превращая каждый поворот в бесконечное падение в бездну, то сжималось до микросекунды. Свет встречных редких машин вонзался в темноту, как электрический разряд, оставляя на сетчатке глаза ломаные, вибрирующие следы. На поворотах, когда Дейнерис укладывала байк под немыслимым углом, Клэйтон чувствовал, как центробежная сила пытается

оторвать его от нее, вышвырнуть в эту преисподнюю. Страх перерос в чистый, незамутненный восторг. Они пробивали ткань реальности. Брызги пригородного света, отражения фар в зеркалах, все это слилось в одну сплошную, пульсирующую световую стену, которая двигалась вместе с ними.

Дейнерис вела мотоцикл сквозь хаос с ледяным спокойствием бога-создателя, управляющего гравитацией. Она сама была настоящим хаосом. Ее спина под кожаной курткой оставалась неподвижной осью, вокруг которой вращался этот безумный, взрывающийся красками мир.

Клэйтон зажмурился, сильнее прижимаясь к ней. Внутри его головы, в такт бешеному ритму мотора, вспыхивали и гасли те самые разноцветные лазерные линии, выжигая на подкорке одну единственную истину: он больше не принадлежит себе. Его разум был взломан, перепрошит этой скоростью, этими цветами и этой девушкой. Это была точка невозврата. Орбита замкнулась, и теперь он летел по ней на безумной скорости, готовый сгореть в ее атмосфере, как те метеоры, которыми она так восхищалась.

Когда они затормозили, он резко выпал в реальность и вот уже их окружали темные асфальтированные дороги, редкие проезжающие машины и дома, окна которых скрыты за шторами. Что скрывается за закрытыми дверями? В одну маленькую коробку мы помещаем целую жизнь, как улитки в раковинах, что прячутся, стоит на них взглянуть.

Дейнерис слезла с мотоцикла и подошла к нему, чтобы попрощаться. Он не хотел расставаться, они могли бы встретить вместе рассвет, они могли бы, но не станут.

- До встречи, писатель, — она легонько ударила его кулаком в плечо. Клэй смотрел на нее, она была так близко, ему стоило наклониться и... Это

глупо, он обещал, что не станет влюбляться, у него есть цели, а от любви одни лишь проблемы. И лучше бы он думал так и дальше, лучше бы он не ходил в тот день в океанариум. Разум ругал его, а сердце тянулось к ней. Он надеялся, что это лишь симпатия, временное чувство и они останутся приятными знакомыми. Но любовь приходит именно тогда, когда ты совсем ее не ждешь. Клэй сдержал порыв эмоций, они не так хорошо знакомы, чтобы целовать ее сейчас, он боялся к ней прикоснуться. Она была как наркотик, ты знаешь, что это плохо, что у тебя начнется зависимость, а потом ломка и все равно она уже на языке и он не хочет завязывать.

- Увидимся завтра? — сглупил он. А в мыслях: «скажи, «да», пожалуйста, скажи».

- Ты хочешь каждый день теперь со мной проводить? Ты ведь занятой все таки.

- Что? Нет, я всегда найду для тебя время, — так и было, он всегда находил время, даже когда ему хотелось зарыться от всего мира, даже когда он лежал в своей постели от невыносимой боли и тоски. Он отдал ей все и эти часы были в ее руках почти до самого конца.

- Ну ладно, посмотрим, — кивнула она и развернулась, собираясь ехать домой.

Он смотрел ей в след. Возможно ли заставить человека остаться с тобой? Нет, он все равно сядет на этот чертов мотоцикл и будет далеко от тебя. А ты будешь каждый день думать «может закончится бензин, одумается?» Разобьется о свои ошибки, признает вину, исправится? Гадать можно сколько угодно, но когда человека нет в твоем поле зрения, ты никогда не узнаешь наверняка. И это уже неважно, если он решает уехать, когда никто его не просил этого делать.

Глава 4

Посолнухи

Клэйтон замолчал. Эхо мотоциклетного рева и ледяной ветер с вершины холма еще секунду кружились в его голове, прежде чем окончательно раствориться на веранде с чайками.

Сара сидела напротив, поджав ноги, и смотрела на него круглыми, совершенно ошеломленными глазами. Она не перебивала его ни разу, боясь разрушить ту хрупкую нить откровенности, которая так редко натягивалась между ними.

- Это... невероятно, Клэй, — тихо произнесла она, нарушая затянувшуюся тишину. В ее голосе слышался легкий трепет. - Она казалась такой... космической. Словно из другого мира. И она действительно так тонко понимала тебя? Твои тексты, твои мысли?

- Да, — Клэйтон натянуто улыбнулся, глядя на свои ладони. - В тот момент мне казалось, что она — единственный человек во вселенной, способный настроиться на мою частоту. Она слушала меня так, будто каждое мое слово имело значение. Но, как я уже говорил, космическое притяжение штука опасная. Стоит подойти слишком близко, и тебя разорвет приливными силами.

Сара подалась вперед, явно желая услышать продолжение, но Клэйтон покачал головой и мягко коснулся ее руки, переводя взгляд на часы. Время безжалостно возвращало его в реальность.

- На сегодня, пожалуй, хватит воспоминаний, — сказал он, поднимаясь со стула. В его голосе снова появилась привычная сдержанность. - Мне нужно вернуться на землю. Завтра понедельник, первое июня, и у меня запланирована важнейшая встреча.

Ему нужно было выбраться из своей раковины. Одно крупное издательство наконец проявило интерес к его рукописи и пригласило его на личную встречу в их офис.

- Тебе нужно отдохнуть и собраться с мыслями, — понимающе улыбнулась Сара, хотя в ее глазах все еще читалось разочарование от того, что историю прервали на самом интересном месте. - Ты справишься, Клэй.

Клэйтон кивнул, но, уходя в спальню, ловил себя на мысли, что предстоящая поездка в издательство пугает его гораздо меньше, чем необходимость снова открывать ту самую ментальную шкатулку, где до сих пор хранилось его израненное сердце.

Фэллон резко выдохнул и потянулся к телефону. Он нашел в контактах номер ведущего редактора издательства. Пальцы на секунду замерли над экраном, накануне, поддавшись очередному приступу тревоги и глухого нежелания выходить в мир, он просто отменил эту встречу. Глупо, безответственно, но так на него похоже. Клэйтон нажал кнопку вызова. Спустя три гудка в трубке раздался деловой, слегка удивленный голос.

- Джек, добрый день. Извини за то что все отменил, возникли непредвиденные обстоятельства... Да, все в порядке, — Клэйтон постарался придать голосу максимум уверенности и той самой писательской харизмы, которой от него всегда ждали. - Я знаю, что графики сдвинулись, но контракт по новой книге не терпит отлагательств. Давай перенесем встречу? Отлично. Буду через полтора часа.

Положив телефон, он решительно направился в ванную сбросить с себя оцепенение, смыть остатки ночной меланхолии. Клэйтон взглянул на себя в зеркало, быстро привел в порядок волосы, пригладив их назад, поднялся в спальню и выбрал свой самый простой классический костюм.

Зайдя в гараж, он на секунду задержался у своего парковочного места. В полумраке поблескивал его любимый городской пижон: роскошный седан бентли цвета старого золота, идеальный, как отполированный алмаз. Клэйтон ласково провел ладонью по его крылу, но сегодня он хотел заехать в одно место. Он нажал на кнопку брелока, и за его спиной приветливо мигнул фарами огромный, хищный черный джип с высокой посадкой и мощными колесами. Настоящий зверь для бездорожья. Перед поездкой он закинул в багажник небольшую лопату и сел в автомобиль.

Салон встретил его запахом дорогой кожи и тишиной. Двигатель джипа завелся с утробным, глухим рыком. Фэллон тряхнул головой, прогоняя наваждение, включил зажигание и поехал.

В центре города начались пробки, на улице было пекло, он включил кондиционер и снял с себя пиджак. Он ненавидел такой поток машин, ездить по этому шоссе каждый день сплошной ад, поэтому он и выбрал место подальше и спокойнее. От скуки захотелось включить музыку. Из радио заиграла знакомая мелодия, сначала он не обратил на это внимание, а когда начался припев, он тут же переключил ее. Это была одна из песен, что они слушали с Дейнерис, у них был совместный плейлист. Он обожал ее музыкальный вкус и бесконечно наслаждался новинками от нее. Больше ничего не осталось и многие песни он до сих пор не может слушать. Заиграло что-то нейтральное, он сделал погромче и поехал дальше, так как дорога более менее расчистилась.

Через час он добрался до офиса, пока поднимался по лестнице, ему стало дурно. Нарастала тревога, но не от волнения. В горле стоял ком, который мешал нормально дышать. Преодолевая лестничные пролеты, он вошел в кабинет, по лбу стекали капли пота, то ли от жары, то ли...

- Клэйтон Фэллон! — выбил его из мыслей Джек Робинсон. - Рад, что ты пришел, садись.

Писатель сел за стол, напротив ведущего редактора. - Рассказывайте как у тебя дела?

- Дела.. да, все нормально.

- Мы изучили концепт твоего нового романа. Стиль, как всегда, безупречен. Но давай поговорим о бизнесе. Как мы будем позиционировать эту книгу? Нам нужен четкий синопсис до конца месяца. И... ты укладываешься в дедлайны? Нам нужен готовый текст к осени.

Джек продолжал говорить, но Клэйтон вдруг поймал себя на том, что звуки начинают отдаляться. Голос редактора стал глухим, словно тот вещал из под воды. В глаза бросился яркий свет люминесцентных ламп. Воздух в переговорной внезапно стал густым, тяжелым, раскаленным. Клэйтону показалось, что стены из закаленного стекла медленно сдвигаются, уменьшая комнату до размеров спичечной коробки. На лбу выступила холодная испарина. Сердце сделало бешеный кувырок и забилось где-то в самом горле, перекрывая кислород.

- Клэйтон? С тобой все в порядке? — донесся до него встревоженный голос откуда-то издалека.

- Извините... мне нужен... воздух... — хрипло выдавил Клэйтон.

Он резко поднялся, едва не опрокинув тяжелый стул. Ботинки глухо застучали по паркету. Не помня себя от первобытного ужаса, он буквально выбежал из переговорной, игнорируя удивленные взгляды сотрудников. Ввалившись в пустой, отделанный мрамором туалет в конце коридора, Клэйтон бросился к раковине. Он включил ледяную воду на полную мощность и стал судорожно брызгать ею себе на лицо, пытаясь прийти в сознание, заземлиться. Он тяжело дышал, вцепившись пальцами в края фаянсовой раковины так, что побелели костяшки. Смотря на свое бледное отражение в зеркале, среди этого стерильного кафеля, он вспомнил как часто у него происходили панические атаки и сильные приступы тревоги. Тогда он не знал, что не только тяжелые обстоятельства его жизни были тому причины, но и Дейнерис.

Спустя пять минут Клэйтон уже спускался на лифте в подземный паркинг. Ему нужно было очистить голову. Смыть этот удушливый день чем-то настоящим. Он сел в черный джип, завел мотор, и огромная машина с визгом шин рванулась со своего места, вылетая со стоянки. Клэйтон вдавил педаль газа в пол, направляя внедорожник прочь из удушливого каменного центра туда, где над ущельями шумели ледяные горные водопады.

Дорога оборвалась у самого края ущелья, где воздух уже вибрировал от низкого, утробного гула. Клэйтон заглушил двигатель джипа, вышел наружу и сделал первый глубокий вдох. Здесь, на высоте, пахло сырым камнем, мокрым мхом, ледяной свежестью горного воздуха и той неукротимой свободой, которой ему так не хватало внизу. Он пошел на звук и через несколько минут оказался на самой вершине скалистого утеса. Перед ним открылся вид, от которого захватывало дух. Это была огромная, скрытая от посторонних глаз теснина, рассеченная пополам бешеной горной рекой. С противоположной стены каньона, с головокружитель-

ной высоты, срывались вниз исполинские потоки воды. Сверху вода казалась сплошным, кипящим полотном ослепительно-белого цвета, но у подножия, разбиваясь о столетние валуны, она превращалась в гигантское облако водяной пыли. Мелкие брызги поднимались высоко вверх, зависая в воздухе прозрачным туманом, в котором преломлялись редкие лучи солнца, вспыхивая едва заметными, призрачными радугами. Клэйтон подошел к самому краю обрыва.

Внизу, метрах в пятнадцати под ним, ревела и бурлила глубокая лагуна. Вода в ней была невероятного, глубокого изумрудно-зеленого оттенка, переходящего в абсолютную черноту там, где глубина становилась пугающей. Поверхность лагуны ходила ходуном, покрытая кружевом белой пены, которая кружилась в бесконечных водоворотах, утягивая за собой сорванные ветки и листья. Каменный утес, на котором он стоял, был влажным и холодным. Водяная пыль оседала на его лице, на одежде, смывая липкую испарину офисного кошмара. Гул водопада здесь, на краю, был настолько оглушительным, что заглушал любые мысли. Взгляд замер на черной, бурлящей бездне внизу. Лагуна манила его, обещая либо абсолютное очищение, либо вечный покой. Искажение восприятия, начавшееся еще в переговорной, достигло своего пика. Пространство сузилось до одной точки — до этой вибрирующей линии между краем утеса и кипящей изумрудной водой...

Он сбросил с ног ботинки, сорвал с шеи галстук и снял рубашку, оставшись в брюках. От холодного ветра побежали мурашки по коже, он вытянул руки в стороны, словно крылья распахнул. Когда-то они были у него и он верил, что умеет летать, но тот кто ему об этом сказал жестоко срезал их самым острым лезвием. Блондин сделал шаг вперед и набравшись смелости, спрыгнул с утеса.

Он должен был лететь, парить над это красотой и строить свое счастливое будущее, но крылья были разорваны в клочья тем, кого он звал Ангелом, на спине остались шрамы и он упал. Вода поглотила его полностью, он тонул, опускаясь на дно. Хотелось согнуться в позе эмбриона и стать частью вечной пустоты. Но он все равно всплыл, вынырнув из ледяной воды, так и ощущалась реальность без иллюзий. Ты будто трезвеешь после того как тебя окатило.

Вода стекала с него ручьями, когда он тяжело дыша выбрался на каменистый берег. Брюки промокли насквозь и липли к телу, но Клэйтон не обращал на это внимания. Паническая атака отступила, оставив после себя звенящую, кристальную пустоту. Он дошел до джипа, открыл багажник и достал оттуда взятую с собой небольшую лопату. Ботинки остались у утеса, поэтому пришлось идти босиком. К ступням липли камни и холодная, влажная земля. Клэйтон повернулся спиной к ревущему водопаду и зашел под густой навес векового леса.

Здесь царила совсем другая атмосфера. Шум воды приглушался, сменившись мягким шорохом столетних крон и далеким пением птиц. Сквозь плотную, сочную изумрудную листву высоко над головой пробивались косые, острые лучи полуденного солнца. Они прошивали зеленоватый полумрак длинными золотистыми иглами, в которых медленно кружилась невидимая пыльца. Чем дальше он шел, тем больше ощущал бархат мха, колкие сухие веточки и гладкие, въевшиеся в почву корни деревьев. Этот физический контакт с природой заземлял его, выжигая остатки офисного удушья. Лучи солнца, падая на его обнаженное плечо, согревали кожу, оставляя блики на мокрых светлых волосах. Он шел уверенно, точно зная маршрут. Этот путь был зафиксирован в памяти навечно.

Наконец, Клэйтон остановился перед старым, могучим дубом, чья кора была испещрена глубокими морщинами времени. На высоте человеческого роста на стволе виднелась едва заметная, заросшая отметина — глубокий крест, который он сам высек здесь несколько лет назад. Место, которое не смыли дожди и не спрятало время. Блондин опустился на колени, не заботясь о перепачканных брюках. Он вонзил штык лопаты в податливую, пахнущую прелью и грибами почву между массивных корней. Земля поддавалась легко. Спустя пару минут инструмент глухо звякнул обо что-то твердое. Отбросив лопату, Клэйтон принялся копать руками, разгребая пальцами влажные комья, пока не показался край небольшой железной

коробочки. Обычная жестяная шкатулка из-под печенья, обмотанная слоем потемневшего от сырости полиэтилена. Его личный склеп и тайник от самого себя. Он аккуратно очистил ее от земли, сорвал защитную пленку и с легким щелчком открыл крышку. Внутри лежала стопка старых, распечатанных фотографий. Клэйтон взял верхний снимок, и его пальцы дрогнули. С глянцевой бумаги на него смотрела Дейнерис. Множество фотографий, сделанных вместе, на одной из которых она целовала его в щеку и они выглядели такими счастливыми.

Ледяная вода, только что смытая водопадом, снова начала закипать. Он думал, что похоронил эти воспоминания здесь, в лесной глуши под корнями дуба, но правда была в том, что они продолжали жить внутри него, прорастая метастазами в каждую его новую строчку. Он держал в руках глянцевые снимки, и с каждым мгновением они казались все тяжелее, словно были отлиты из свинца.

Клэйтон вглядывался в лицо Дейнерис, и вдруг поймал себя на жутком, противоестественном ощущении. Вся та романтика, весь тот невероятный флер,

которым он окружал ее образ, начал осыпаться, как гнилая штукатурка. Он все еще любил ее, скучал до безумия и сходил с ума от того, что не может прикоснуться к ней. После нее он пытался найти схожесть в других, во внешности, в характере, но никогда не находил. Тогда у него впервые появился типаж, раньше он никого внешне не выделял, ему было все равно. Потом он понял, что не сможет найти замену, поступить так значило бы опуститься до уровня таких же подлых людей. Иногда он думал о том, что люди после такого плачут, смотря на фотографии и пересматривают их часами. А он не мог. Он ни разу не рыдал над ее снимками, каждый раз происходило отторжение. И вот снова внутри, где-то на дне желудка, зашевелился тяжелый, склизкий ком. К горлу стремительно подкатила острая, удушливая тошнота. Это была не обычная дурнота от пережитого стресса — его тошнило от нее. От ее лжи, от ее выверенных фраз и всей той глубины, которая была для нее чем-то поверхностным и незначимым. И, что было самым паршивым, его тошнило от самого себя, от того, каким слепым, глупым, восторженным дураком он был, когда позволял ей ломать свои крылья. Каждое воспоминание о ее прикосновениях теперь казалось глотком тухлой, стоячей воды.

Клэйтон судорожно сглотнул, пытаясь подавить рвотный позыв, но спазм повторился, сжимая внутренности железными тисками. Пальцы разжались. Фотографии посыпались на влажный мох, переворачиваясь в воздухе. Он резко отвернулся, упал на четвереньки, упираясь ладонями в грязную землю между корней дуба. Его вывернуло наизнанку. Тело судорожно содрогалось в попытке очиститься, вытолкнуть, исторгнуть из себя эту ментальную отраву, которую он бережно хранил в жестяной коробке под землей. Он хрипел, ловил ртом воздух, а перед глазами мелькали безумные, рваные образы: плачущие восковые ангелы с вырванными перьями, падающие в бездну тела, кресты и змеиная чешуя. Прошлое выходило из него физически, с болью и желчью. Когда все закончилось, он обессиленно привалился спиной к стволу дуба, вытирая рот тыльной стороной дрожащей ладони. В глазах стояли слезы, дыхание со свистом вырывалось из груди. Он посмотрел на разбросанные по земле карточки. На них налипла лесная грязь. Так больше нельзя, она его слабость, а от этого нужно избавляться. Он собрал хворост, соорудил небольшой костер, достал зажигалку из бардачка Джипа и поджег сухие ветви, опоясанные мхом. Собрал фотографии с земли и стал по одной бросать в огонь. Воспоминания сгорали на глазах, когда-нибудь исчезнут и из памяти. Столько лет он хранил их, не в силах избавиться.

- Гори. Моя боль. Гори моя печаль. И как бы невзначай о себе не напоминай, — пробормотал он.

Последняя фотография осталась у него в руках, где она целовала его. Со временем черты лица стираются, становясь размытыми картинками. Ты будешь помнить всегда, но уже в призрачном обличии. Он поднес ее к губам и разрыдался. Внутри была такая боль, она растекалась, словно вулканические струи разрушали землю, деля ее на двое.

- Почему ты ушла от меня? — бормотал он. - Почему я не могу отпустить, забыть... Мы были бы так счастливы. Зачем ты ушла? Так нечестно, ты оставила меня одного, — в нем то загоралась злость, то боль, пустота и безразличие.

Так его крыло постоянно. Он не мог чувствовать радость, не мог смеяться, но все негативные эмоции сжирали до самого позвоночника, его хребет трещал по швам. Иногда ты готов принять дар жизни, как к твоему виску подставляют пистолет. Будь готов, что в тебя начнут стрелять, когда будешь свой мир

встречать. Он сжал фотографию и подбросил ее в костер, но ее подхватил ветер и унес. Клэйтон подобрал ее, как вдруг с неба полил дождь, который слишком быстро перешел в сильный ливень. От его костра ничего не осталось, он побежал к джипу, бережно укрывая это несчастное фото. Лучше бы оно растворилось в каплях дождя. Чувство вины накрыло за собственную слабость. Он верил, что однажды будет смотреть на них с теплом, как на ушедшие мгновения, но не сегодня.

Телефон разрывался от сообщений и пропущенных звонков. Он решил ответить только Саре и сообщить о том, что он уже едет домой. Ближе к вечеру он доехал до дома, дождь к тому времени закончился, остался только приятный запах сырости и огромные лужи. Он так и не забрал ботинки и рубашку, все его ноги были в грязи. Сара чуть не упала, когда увидела его.

- Что с тобой случилось? — спросила она.

- Да, так, ничего особенного. Мне надо в душ, — отмахнулся он.

- Джек сказал, что ты убежал из офиса и ничего не подписал. С тобой все хорошо? — она стояла у открытой двери в ванную комнату, пока перед ней не захлопнули дверь.

Через двадцать минут он сидел в гостиной у камина и пил горячий чай. Сара места себе не находила, она не любила, когда ей не договаривают, как и он. Да и как рассказать о том, что с ним творилось весь этот день? Она не поймет всю его боль, некоторые вещи просто не объяснить, пока не проживешь их на собственном опыте.

- Я закинула твои вещи в стирку, в кармане брюк была фотография. Это Дейнерис? — спросила Сара, сев рядом с ним на диван.

- Да. Прости, я не должен был. Сжег все фотографии, кроме этой. Да и тебе ведь неприятно слушать о ней?

- Нет, что ты, она красавица. Я тоже иногда вспоминаю своего бывшего мужа, в этом нет ничего страшного. Не знаю всей вашей истории, с ним мы более менее спокойно разошлись и я скучаю по многим нашим моментам, но их не вернуть. Моя любовь к нему останется и будет жить в моем сердце всегда. Это нормально продолжать любить тех, кто ушел, нельзя врать себе, что чувств не было. Пусть любовь живет в тебе, это значит, что ты можешь подарить ее кому-то другому.

- Спасибо за поддержку, — Клэйтон положил голову ей на плечо и их руки переплелись.

- Так что же было дальше, расскажешь?

- Да, могу продолжить. Через неделю после той ночи на холме мы поехали за город. Мы тогда говорили о цветах и их значении, — Клэйтон горько, едва заметно усмехнулся. - Мне тогда показалось это самым романтичным, что я когда-либо слышал.

- Что же это были за цветы? — спросила Сара. Он на секунду замолчал, перевел взгляд с воспоминаний на цветущую в вазе Азалию, которая означала скорую разлуку.

Они поехали за город в один из тех знойных июньских дней, когда раскаленный воздух над дорогой дрожит, как прозрачное желе. На этот раз Клэйтон настоял на пикнике. Ему хотелось побыть с ней наедине. Они были лишь друзьями, поэтому он боялся, что она сочтет это за свидание, хотя они итак постоянно были вместе.

Они наткнулись на это место случайно, свернув с оживленной трассы на едва заметную грунтовую дорогу. Перед ними открылось бескрайнее, уходящее

за самый горизонт поле подсолнухов. Тысячи золотых голов были синхронно повернуты к слепящему солнцу, создавая ощущение живого, пульсирующего желтого океана. Они устроились на небольшом возвышении у самого края поля, под раскидистой дикой яблоней, даривишей спасительную тень. Клэйтон расстелил плотный клетчатый плед, достал из рюкзака термос с прохладным лимонадом и несколько книг, которые они обещали почитать друг другу вслух.

Дейнерис сидела, обхватив колени руками. На ней была белая футболка и клетчатая юбка, что сливались на фоне зелени и золота. Она выглядела необычайно спокойной, почти домашней, без своей привычной колючей брони. Ветер перебирал ее волосы, а в темных глазах отражалось это бескрайнее желтое море. Клэйтон листал страницы романа, но то и дело ловил себя на том, что смотрит только на нее. Она была его главным сюжетом.

- Знаешь, почему мне нравятся именно подсолнухи? — тихо спросила она. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, туда, где золотые цветы целовались с пронзительно-синим небом.

- Потому что они красивые? — предположил Клэйтон, откладывая книгу в сторону.

- Не только. Два подаренных подсолнуха часто символизируют верность, крепкий союз и самую искреннюю любовь. На языке цветов это связано с одним очень красивым поверьем. Днем, когда светит солнце, они все вместе тянутся за ним, напитываясь светом. Но самое интересное происходит ночью, — Клэйтону показалось, что в ее зрачках вспыхнули крошечные искры. - В абсолютной темноте, когда солнца нет, эти два цветка поворачиваются стеблями друг к другу. Один смотри на второго до самого утра. Это пара, которая следует за светом, но поддерживает свой союз в самые темные времена. Они не замерзают, потому что делятся теплом, когда вокруг нет ни единого луча.

Клэйтон слушал ее, и внутри него разливалось такое мощное, щемящее тепло, какого он не чувствовал никогда в жизни. В тот момент он был уверен, что она говорит о них. Он поднялся с пледа, сделал несколько шагов вглубь поля, утопая в жестких зеленых листьях, и аккуратно, стараясь не повредить стебли, сорвал два самых крупных, тяжелых подсолнуха. Их лепестки были мягкими, как бархат, и пахли нагретой солнцем землей. Клэйтон вернулся и протянул их ей.

- Чтобы мы всегда поворачивались друг к другу в темноте, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.

Дейнерис приняла цветы. Ее пальцы коснулись его руки, хотелось бы ему всегда чувствовать эти прикосновения. Когда она читала ему, он ложился на ее колени и она нежно перебирали пряди его волос. Он слушал, погружаясь в каждую нотку ее голоса, хоть бы она никогда не замолкала. Этот день он запомнил на долго.

Через несколько часов они поехали домой. До самого вечера Клэйтон работал, а потом стал прибираться дома. Что бы они ни делал она все время мелькала в его мыслях и он время от времени проверял почту. Ему не хотелось навязываться, он боялся, что его слишком много в ее жизни, но какое-то невидимое притяжение заставляло сделать шаг вперед, он написал ей.

Клэйтон: Что делаешь? Дейнерис: Играю на гитаре.

Клэйтон: На гитаре? Не знал, что ты умеешь. Здорово как! Дейнерис: Ага.

Клэйтон: А для меня сыграешь? Хотелось бы послушать.

Прошло минут пять, после его глупого сообщения. Наверное, не стоило. Дейнерис: Приходи ко мне домой, тогда сыграю.

Клэйтон: Прямо сейчас? Дейнерис: Ну да.

Он заблокировал экран, но виртуальные буквы все еще горели перед его глазами.

Они жили не так далеко друг от друга, минут через двадцать он дошел до ее дома и постучал. Дверь открыла Дейнерис, его глаза опустились на ее короткие розовые шорты. Пока он пялился как дурак, она потянула его за руку, чтобы он вошел внутрь. В ее комнате было уютно, они сели на пол, опираясь спинами о ее кровать. Дейнерис взяла гитару в руки и начала играть. Он смотрел как ее пальцы перебирают струны, она так хороша. А потом она запела.

Ее голос был с легкой хрипотцой, слегка низкий и безумно красивый. Мягкая музыка разливалась по всей комнате, заполняла углы и приятно успокаивала разум. Пока она внезапно не остановилась, прижав ладонь к струнам, чтобы оборвать звук.

- Ты еще и поешь? — удивленно и восхищенно спросил он.

- Когда играешь на гитаре, как же не спеть. Хочешь попробовать? — спросила она, протягивая ему гитару.

- Что ты, я не умею, — отказался он, боясь повредить инструмент. - Да ладно, я научу.

Клэйтон несмело взял гитару в руки, бережно уложив ее на колено. Она попросила его немного подвинуться вперед, чтобы сесть сзади него. Он слегка облокотился на нее, мгновенно почувствовав теплое, размеренное дыхание возле своего уха. Дейнерис потянулась руками вперед, накрывая его ладони своими, и начала учить его самым простым аккордам, показывая, на каких ладах нужно зажимать струны. У него даже немного стало получаться, и по комнате разлились первые чистые, пускай и несмелые звуки.

- Да не так, пальцы разожми, сильнее прижимай подушечками, но кисть расслабь, — указала она.

- Как? Вот так?

- Нет же, — ее подбородок мягко опустился на его плечо, когда она попыталась сама заглянуть на гриф сверху.

Клэйтон повернул голову. Из-за этого движения ее губ оказались буквально в паре сантиметров от его собственных. Он задержал на них взгляд, они так близко, тонкие и желанные. Улыбка невольно растянулась на его лице, а сердце пропустило удар. Но нельзя. Он вовремя одернул себя, он не хочет портить эту хрупкую идиллию, если вдруг его чувства не взаимны.

- Хочешь потанцевать? — внезапно спросил он.

- Потанцевать? Я не умею, — ответила она, отставляя гитару в сторону. - Хотел бы я сказать, что научу, но я тоже не умею. Это необязательно,

главное, чтобы было весело.

- Ну ладно, включу колонку.

Дейнерис потянулась к тумбочке, включила беспроводную колонку, и комнату мгновенно затопил резкий, пронзительный звук — это был культовый трек «Disorder» группы Joy Division. Напористый, разрывающий бас и быстрый ритм барабанов заставили воздух в помещении завибрировать. Они начали танцевать прямо посреди комнаты, хаотично, свободно, полностью отдаваясь этой странной, тревожной и одновременно пьянящей музыке. Они кружились, дурачились, пока песня не начала подходить к своему финалу. Музыкальная

стена звука стала медленно затихать, оставляя лишь гипнотический, зацикленный голос солиста из динамика:

«Feeling, feeling, feeling, feeling, feeling, feeling, feeling...» — глухо и ритмично повторяла колонка.

Под эти затихающие слова Дейнерис, тяжело и прерывисто дыша, потянула Клэйтона назад, к кровати. Они упали на нее, тяжело дыша и смеясь. Клэйтон повернулся к ней лицом и коснулся ее щеки тыльной стороной ладони. Такая мягкая кожа.

В колонке наступила короткая заминка, а затем алгоритм плейлиста сменил настроение. Вместо резких басов комнату заполнили мягкие, переливающиеся гитарные переборы, и раздался бархатный, до боли знакомый голос Элвиса Пресли «Can’t Help Falling in Love»:

«Wise men say... only fools rush in...» — поплыло над кроватью, убаюкивая недавнюю тревогу.

Атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Клэйтону показалось, что они остались вдвоем на каком-то тихом, уединенном острове посреди бушующего океана. Текст песни бил наотмашь, озвучивая все то, что он так тщательно пытался скрыть секунду назад.

«But I can't help falling in love with you...»

Дейнерис медленно протянула руку и положила свою ладонь поверх его руки. Клэйтон перевернул ладонь, переплетая свои с ее пальцами, и крепко сжал. В этот момент он осознал, что хоть это и глупо, пусть это спешка, пускай весь мир катится к черту, но он больше не может притворяться. Он падал в эту любовь без страховки, отдавая ей всю свою жизнь, до самого последнего вздоха. Он приподнялся над ней и его лицо стало тянуться к ее губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.